

Полина Сутягина

ЗНАЮТ ЛИ ДЕРЕВЬЯ

Полина Сутягина

Знают ли деревья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69995194

SelfPub; 2023

Аннотация

Промозглой дождливой осенью встречаются два человека. Они живут в одном подмосковном поселке, но их пути вряд ли бы пересеклись, разве что в очереди в привокзальном магазине, если бы не одно происшествие на перроне. Один – старик на закате своей жизни. Он вдов, а живущий в городе сын навещает редко. Второй – среднего возраста инженер, недавно купивший в поселке коттедж, и... недавно разошедшийся с женой. Казалось бы, у них мало общего, лишь чувство одиночества. Но даже это чувство они переживают по-разному. Говорят, когда тебе тяжело, надо начать помогать другому. Так решает мужчина. И его жизнь неуправляемо начинает меняться. Также и образ мыслей старика. В затянувшейся осени люди ждут первого снега, как прикосновения очищающего дыхания зимы. Но им двоим нужно пройти через эту осень их жизнью.

Содержание

1.	4
2.	8
3.	13
4.	16
5.	21
6.	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Полина Сутягина

Знают ли деревья

1.

Под старыми ботинками скрипнул свежий лед. Жесткая пленка замерзшей воды, покрывавшая пупырчатый асфальт, соприкасаясь с некогда крепкой добротной подошвой, норвила сбросить с себя их обладателя. Хозяин ботинок был под стать обуви. Хорошо сложенное и когда-то крепкое тело теперь боялось льда, хотя в молодости его бы не напугало застывание вчерашней измороси. Но то было много, очень много лет назад... Подошва скрипнула и подалась вперед, тело накренилось в другую сторону и начало медленное и печальное падение, пока столь крепкая ранее спина не встретила жесткость вмерзшей в асфальт воды. Это был конец.

В его возрасте такое падение означало потерю последней прелести жизни – свободы передвижения. Было страшно даже пошевелиться, ожидая почувствовать боль там, где ее раньше не было, или еще хуже – ничего не почувствовать – своего тела, конечностей. Холод замерзшей воды стал просачиваться через тонкое пальто, и старая спина заныла – он мог ее ощущать.

Чьи-то руки подхватили лежавшего на платформе старика и потянули вверх. Он не сопротивлялся, но особо не помогал. Тело, оказавшееся вдруг снова в вертикальном положении, заныло обиженно и тоскливо, как щенок, не понимающий, за что жестоко наказан. До сознания с трудом долетел смысл шевеления губ пришедшего на помощь. Может ли он идти? Да он и сам не знал... Сцепившись, словно две каракатицы, двое поползли по перрону. Впереди – маленькая пологая лестница – стала непростым испытанием. Наверное, уже жалеет, что связался, – казалось упавшему.

Старые ботинки проскользили по ледяной корке и встретили подмерзшую землю – испытание перроном было окончено. Боль потихоньку разлилась по телу, ни одна конечность не потеряла чувствительности, и воздух все с тем же усердием входил в легкие и выходил из них. Сердце издавало свой неравномерный стук, втайне надеясь на длительный отпуск, который оно, возможно, имело право требовать за все эти годы вполне исправной службы.

«Наверное, я дальше сам» – он вроде бы сказал это вслух, но мужчина не уходил. Вместо этого поинтересовался отдаленностью жилища старика и, выяснив это из невнятного объяснения, оставил спасенного, чтобы отыскать машину. Задача эта была не из простых – основная дорога шла с другой стороны от поселка. Но, по-видимому, незнакомец обладал не только умением поднимать неповоротливых стариков с промерзшего перрона, но и даром убеждения, поскольку

вскоре он вернулся вместе с хозяином машины. Двое мужчин помогли старику забраться в большой блестящий джип, который доставил их до лесной тропинки и уехал. А мужчина остался.

«Вам что, нечем больше заняться, чем возиться со мной?» – старику показалось, что он и это сказал вслух, но мужчина не ушел, а повел его к дому.

Незнакомец с перрона стал навещать спасенного им старика. Он приносил еду, хотел даже вызвать врача, но встретил угрюмый протест пострадавшего. Да и к тому же старик казался крепким, мог снова сам передвигаться и не показывал на лице или через обычные в этом возрасте вздохи, как болит его спина. Мужчина догадывался, что такое падение не прошло бесследно для старого тела, но он не был ни другом, ни родственником упавшему, и не смог настаивать на враче.

Старые жилистые руки перебирали разложенные на столе покупки – пачку печенья, пакеты с крупой, мяли хлебную корку через пластиковый мешок. Зачем все это? Он не мог заставить забрать все обратно, поэтому заварил чай, чтобы хоть как-то соответствовать роли хозяина, когда второй переборщил с ролью гостя. Можно было ограничиться лишь пачкой печенья, или вовсе не приходить... Зачем все это?

Чайник закипел. На столе теперь не было место для чашек.

Замерев с чайником в руке, старик смотрел на стол, не понимая, что делать – то ли нести назад чайник, то ли одной рукой расчищать для него место... Все это было так сложно... Зачем он пришел и так все усложнил?

Мужчина заметил замешательство старика, и стал перекладывать еду на пространство перед дверцами у серванта.

«Теперь нельзя будет открыть» – разве он сказал это? Нет. Ведь гость не остановился.

2.

«Наша жизнь отнюдь не мера всех вещей...» – всплыли в его голове чьи-то слова. Он потянул за ниточку памяти, но тонкая связь слов не смогла поднять из замшелых глубин имени хозяина фразы. Кажется, это был какой-то француз или швейцарец, лекцию которого он случайно услышал. А говорил он о том, что если нам с позиции нашей малой жизни не постичь Вселенную, то из этого не следует, что она лишена смысла сама по себе.

За окном вагона проплывал спокойный осенний пейзаж сельской местности. Людей в электричке было не много. Кто-то спал, кто-то так же, как он, уткнулся в окно, мужчина на соседней лавке с отстраненным видом читал газету, время от времени вступая в бой с громкостью ее листов, с хрустом принуждая раскрыть чтецу новые сочетания букв.

Сидящие в вагоне как будто всем своим видом подтверждали течение его мыслей. Мелочность одной-единственной жизни, незначительность его собственного существования. Зачем он помещен сюда, сейчас, в этот вагон, в этот полуясный осенний день, когда солнце играет в жмурки с облаками, а листья то сверкают, как золоченые купола церквей, то буреют, словно забытые хозяйкой тряпки? Для чего все это?

Старика он заметил сразу как покинул беззубый рот элек-

трички, жамкнувший дверями за его спиной. Что-то в тяжелой походке пожилого мужчины, вышедшего из соседнего вагона, было не так. В уме промелькнуло слово, значение которого никто бы не хотел обрести в своей голове. Движения впереди идущего были какие-то вялые. Вдруг нога его резко выехала вперед на тонком льду, и все тело начало медленно рушиться, тоже как-то неестественно, как будто разваливалась на кубики детская башенка.

Он поспешил к упавшему. Старик лежал на спине, широко распахнутые глаза смотрели сквозь наклонившегося над ним мужчину, в небо. На мгновение показалось, что старик мертв, и он тоже замер в нерешительности над нагромождением кубиков, удерживаемых вместе старым пальто. У основания крупного носа, вблизи неровно выбритой поверхности над верхней губой в морозном воздухе появилось маленькое облачко дыхания.

Подхватив тело упавшего, он с силой вытянул его вверх. По дороге старик, кажется, пытался говорить с ним, но рот плохо слушался, и мужчина не разобрал слов. Ему, впрочем, не очень-то и хотелось знать, слова ли это благодарности или, наоборот, ворчание. Его мало заботил этот старик, но желание доставить его куда-то – домой ли, в больницу ли, напоминало мужчине что-то похожее на цель. То, чего ему так не хватало в эти дни.

Он решил, что будет навещать старика. Сил заботиться о себе самом у него не было, а о ком-то ином, даже чужом ему

– наоборот, их придавало. К тому же старик жил один, был слаб после падения, и действительно нуждался в заботе, хотя и глядел неприветливо.

Все будто нарочно выскальзывало из рук. Как трудно было собрать мысли, движения воедино. Они словно существовали в разных местах или временах?.. Все путалось. А тут еще – снова пришел этот парень, нет, наверное, его уже можно было счесть мужчиной. Старику из глубины его лет гость казался еще стоящим на берегу ямы времени. Однако мы все свалимся в нее, рано или поздно... Все, кто когда-либо поднимался в гору, знают, что с нее придется спуститься. Это естественный ход вещей...

Ну вот, мысли снова привели его совсем не туда. А зачем, собственно, пришел этот человек в хороших ботинках, крепкой куртке, переминавшийся у двери с авоськой в руке? Однако небрит. Хм...

Сумка снова была опустошена, и ее внутренности заполнили поверхность стола. Очень неудобно. Пришлось снова переносить их к серванту, в холодильник, к плите... Столько суеты от этого человека. А ведь, кажется, он называл себя. Впрочем, не вспомнить.

Чай был заварен. И не оставалось ничего другого, как двоим – не слишком приветливому хозяину и немного навяз-

чивому гостю – сесть за стол, только что освобожденный от
требухи авоськи.

– Как Ваша спина?

– В моем возрасте на этот вопрос не может прозвучать
хорошего ответа.

– Я имел в виду, после падения.

– Пейте чай, а то остынет! – «Вот ведь привязался... к
спине».

– Вам не тяжело здесь, одному?

– Нет. Иногда приезжает сын, – «Редко, очень редко... Но
тебе это знать необязательно».

– Я могу заходить время от времени. Помочь с чем-то.

«Тебе делать больше нечего?»

– Я живу недалеко... один. Теперь. – «А можно было и не
говорить этого. Старик вроде не из болтливых, может, и не
спросит...»

– И куда семья делась?

– Распалась.

– Как печенье? – «Распалась... хм...»

– Развелись.

– А до того – свелись что ли? Слово какое-то... Будто кто-
то сводит и разводит. Как сваха...

– Согласен. Лучше назвали бы «расход», – «А не такой он

и молчун, оказывается».

3.

Он вернулся в пустой дом. Топить камин желания не было, вместо этого просто подкрутил вентиль батареи в комнате, и опустился на кровать. Здесь должен был гореть мягкий желтоватый свет, пахнуть стиральной, здесь должна была быть жизнь и женский голос, а теперь только – холод осени, взбрызнутый дождем. Он закрыл лицо руками и повалился на них, упирая локти в колени. Мир казался маленькой черной точкой, где не было ничего... ничего...

Все важные до того достижения казались несущественными. Отчего же они казались первостепенными, когда было то, что мнилось не таким, и вот когда его не стало... все остальное как-то поблекло, потеряло вкус. Как такое могло произойти?

Небо темное и холодное нависало над домом, пронзенное немногочисленными точками звезд. Какая глупость посвящать их сиянию стихи, и все же взгляд на ночное небо дарует некое подобие успокоения. Быть может, осознание своей ничтожности перед бескрайностью Вселенной преуменьшает значимость и проблем.

Постепенно верхушки деревьев обрызгало желтой краской с вкраплениями малинового, первыми преобразились березы, клены и дубы же стояли в полураздумье, будто не ре-

шившие, стоит ли полностью сменять свои туалеты. Но потом дожди окончательно вымыли зеленую краску из листьев, а холодные ночи сковали упавшую влагу и листву в искусном коллаже. Все более одинокими казались стволы и ветви за окном, и он сам, как оголявшееся к зиме дерево, одну за одной ронял части того, что раньше казалось неотъемлемым. Быть может, и у деревьев так, думалось ему, им кажется, что листья – это они сами, но вот приходит осень и лишает их этой части. Интересно, знают ли деревья, что весной появятся новые почки? Или они готовятся к смерти?

Должны знать... Иначе бы не пережили зимы.

Вечера становились такие длинные... А спать совсем не хотелось. За чаем лучше много не сидеть, а то потом ночью не набегаешься. Спина ныла, постепенно старые кости осознавали, что произошло несколько дней назад. Будто с возрастом сигналы между маленькими паучками нервных клеток передаются по почте, а не теми быстрыми способами, которыми сейчас так активно пользуются молодые люди. Словно динозавр, которому откусили хвост, но он не умирает от болевого шока, а сразу от потери крови, поскольку это происходит быстрее, так и бродишь теперь, тяжело дыша, и не понимая, как ночью повернуться в кровати, чтобы можно было уснуть.

Старые руки силились разорвать упаковку печенья. Наконец, она поддалась, вывалив на стол песочного цвета прямоугольнички, рассыпавшейся стопкой. Мякоть их быстро расплывалась в чае, меняя цвет и самой жидкости, делая ее похожей на тюрю. Нет, лучше опускать туда те старые пряники, что остались в серванте.

Топить печь. Надо, конечно, надо, иначе холод неслышной поступью подкрадывается к тебе, берет сперва за кончики ступней и пальцев, и постепенно вползает внутрь. Только огонь печи нынче способен прогнать этот озноб, собственная кровь справляется хуже. Поленья под холодным лезвием топора расщепляются, временами застревая, приходится доламывать руками. Ну вот и принялось... Скрюченные пальцы мягчают от теплого зевка печки. Вот тааак...

Постепенно теплеет и в доме. Чайник с болотцем заварки на дне вяло наблюдает со стола за рассыпанным печеньем. Мыши придут, если не убрать. Ну, да и шут с ними... Лучше сейчас опустить на кровать старые кости, выложить на тонком матрасе спину, фрагмент за фрагментом, сдерживая боль, а потом... Завтра, пожалуй, выкопать остатки картошки... Мыши придут... Да и шут с ними...

4.

Сегодня было особо тоскливо. Он уже два дня не появлялся у старика, боялся навязываться, боялся расспросов о разводе... Небо затянуло унылой серостью, со светящимися прожилками, будто бы специально, чтобы мучить глаза. Подходя к магазину, он снова вспомнил про старика, взял хлеба и пачку молока, сыра и яблок, и пошел к нему.

Дверь дома была не заперта. В комнате витал полумрак и отголосок горевшей печи. На кровати бугры стеганого одеяла выдавали под собой тело. Медленно приблизившись, гость вытянул руку и прикоснулся. Бугры немного пошевелились. Невнятный голос проворчал что-то неприветливое. Похоже, старику было совсем плохо, если он до сих пор не встал, но предложение вызвать врача было в очередной раз отвергнуто.

Он помог ему подняться и одеться. Корявое и крепкое, как дубы за домом, тело нехотя возвращалось к деятельности. Оно словно задеревенело и хотело лишь углубить корни в почву, да так и остаться в ней. Но его тормозили, не давая крови остановить свой замедлившийся бег.

Приготовил старику кашу, и попытался сунуть ложку в скрюченную руку его, но тот лишь оттолкнул и взял сам. Словно старое больное животное в последнюю очередь не

хотело отдавать свою независимость. А вот он мог бы и поступиться ею, да было уже поздно...

– Слушай, что ты ко мне все ходишь? Спросить хотел. Да, и спасибо за еду.

– Да сам не знаю. Но учитывая, что Вы тут, кажется, помирать собрались, видимо, не зря.

– Скажешь тоже! Помирать... – «Не дождетесь! Во вам, а не помирать!»

– Вы ешьте.

– Я-то ем. А ты рассказывай.

– Что рассказывать?

– Зачем таскаешься к старому чудаку. Совсем одиноко тебе после «расхода» твоего?

«Так и знал... Лучше бы молча кашу ел...»

– Чего молчишь? Чаем подавился?

– А сын Ваш где? Может, сообщить ему о Вашем состоянии?

– Каком состоянии? Вредном-то?.. Ха... Да он это и так знает. А ежели помру, вот тогда сообщайте сколько влезет. Мне уже все равно будет.

– Значит, нечасто он здесь бывает...

– Ну а тебе что за дело?

– А Вам что за дело до моего развода?..

– Э... Так это ты ко мне пришел, а не я к тебе.

– Да, только это Вы несколько дней назад на перроне упали, а сегодня сами с постели встать не могли.

– Пей уж лучше чай.

«Вот именно!.. Ну и вреден... Ничего, отвечать может», – Мы с ней пять лет почти вместе прожили. И я думал, что все хорошо. А оказалось иначе.

– А я со своей больше пятидесяти прожил, и все больше казалось, что все не так.

– Давно она умерла?

– Нет. Три года назад.

– Сожалею.

– Что поделаешь. Она была единственным человеком, кто дольше всех терпел меня, но ведь когда-нибудь любому терпению приходит конец. Всему приходит конец...

– Но ведь Вы любили ее? Все эти полвека?

– Конечно, любил. И она тоже. А еще терпели, ругались, мирились... Иногда казалось, что еще слово скажет, и я выброшу ее из окна, а если ее не было рядом, будто и меня не было... Так что не беспокойся о том, кто умер три года назад.

– Вы это о ней?

– О себе, конечно.

– Но у Вас же есть сын, разве это ничего не значит?

– Значит. Вопрос только, что это значит для него, и для меня.

– Налить Вам чаю?

- Спасибо, достаточно. Так что же для тебя значит? Пять лет, не пятьдесят, да и ты не стар. Детей не завели?
- Нет. Все как-то не до детей было. А теперь...
- Теперь что уж... Дети держат.
- Стоит ли держать то, что треснуло?
- Может быть, и не треснуло бы.

Волна ярости подступила к самому горлу. На эту проклятую немощь, на эти старые скрюченные пальцы, неспособные даже удержать круглую сахарницу, чтобы она не разбилась на кучу фрагментов и не рассыпала белые кристаллики по полу! Ведь теперь их даже не собрать... Веник этот... за совком не наклониться... Вот проклятие! И все снова летит на пол. Бессильно опустившаяся на стул человеческая масса вздымается и слегка вздрагивает бесшумно. Способный самостоятельно на рубить и натаскать себе дров, починить дом в одиночку, вскопать весь огород, сидишь теперь тут бесформенной кучей требухи! Не-на-ви-жу!

Теперь еще возится этот, как его там. Привяжешься к нему, что тогда? Если уж от собственного сына вестей раз в полгода, то как положиться на незнакомого человека?

На дом каскадом обрушился шум мириады холодных капель. Осенний дождь подрубал черенки желтых дубовых листочков, и те, отяжелевшие под каплями, валялись на зем-

лю. Ветер в трубе затих, и прямые, как лезвия шпаги, капли пронзали старую крышу и, скатываясь по ней, переполняли накренившиеся металлические бочки под стоками.

Холодно. Внутри, очень холодно.

5.

Он зажег свет. Дом казался невыносимо пустым и холодным. Прошел в ванную и залез под горячий душ. Прикосновения теплой воды как будто сколупывали напряжение дня, размягчали замерзшее тело. Может, просто завернуться в халат и уснуть? Но нет... Пожалуй, не уснешь...

Мужчина обтерся махровым полотенцем, натянул домашнюю одежду и пошел на кухню. В эмалированной кастрюльке лежали две разварившиеся и уже два дня как остывшие картофелины. Он поизучал их некоторое время, перекатывая по дню кастрюльки, да и вернул ее обратно на плиту. Не то, чтобы он был не голоден, просто не хотел есть. Разевать рот и класть туда что-то, наполненное структурой и вкусом... В итоге он просто заварил себе чая. В холодильнике стояла начатая банка с вареньем, которую они открывали еще вместе с женой. Выругался и захлопнул дверцу, предпочтя пить чай пустым.

Он никак не мог отделаться от ощущения, что все в доме напоминает о ней, хотя жена забрала все свои вещи и даже фотографии, когда уезжала. Диван... Они покупали его вместе. Он очень не любил все эти поездки по магазинам, но она вытащила его, смеялась, как он ворчал, когда она водила его от дивана к дивану в мебельном магазине. Он еще говорил

ей, что можно было просто по каталогу выбрать и заказать с доставкой на дом, а она возмутилась – надо же все попробовать! – и устроилась на ближайшем диване. Вот теперь этот диван стоял в его гостиной. Пустой.

Или вот торшер... Сказала, что это еще ее бабушки. Почему не забрала тогда?

Поднявшись по лестнице на второй этаж, он ушел в кабинет и повалился на маленькую жесткую софу. Здесь все было его.

Спихнув пыльные книги, разбросанные на лежанке, он пождал ноги, то ли от того, что софа была коротка, то ли ища в этой позе утешения, и закрыл глаза. За окном, по металлическому обводу крыши барабанил дождь и шумел в водосточной трубе.

«А вы ноктюрн сыграть могли бы на флейте водосточных труб?»¹, – пронеслось у него в голове. Да, она тоже любила стихи, но не те, что он. О стихах они говорили в свою первую встречу...

Хотелось выпить. Но он отмел эту мысль. Это удел жалких, считал он. А он не жалок, нет... Он просто болен. И эта болезнь отступит, как отступала любая другая. Мать сказала ему тогда – «мало ли мужиков бабы бросали? Это ей теперь сложнее будет. А ты себе еще и моложе найдешь!». После развода он старался не слишком часто показываться у родителей. Они жалели его. А он не мог этого выносить.

¹ Из стихотворения В.В. Маяковского «А вы могли бы?».

Вот старик... Тот совсем не жалел его. Даже подтрунивал. Это немного раздражало, но было куда лучше жалости.

Мысли о старике снова перевели его на родителей, и он даже поднялся и начал набирать их номер, но после шести цифр сбросил и снова обрушился на софу. Та обиженно скрипнула. Ей были не по возрасту такие кульбиты. Это была одна из тех вещей, что досталась ему вместе с домом, а дому, возможно, от каких-то революционеров, разграбивших богатую усадьбу. Изогнутая и аристократическая, на бульдозных ножках и с потертой атласной обшивкой. Он мог бы отдать ее отреставрировать, но вместо этого она пылилась в его кабинете и служила местом склада недочитанных книг и недописанных бумаг. Теперь он лежал на ней. Недочитанный и недописанный.

«Вот интересно, что бы тот старик сказал, увидь его здесь, жалко скрючившегося на софе, – подумал он, – он тоже один, к тому же болен, но не жалок...»

Незаметно накатила дрема, и потихоньку тело обмякло и стекло по софе, ноги немного выступали за пределы неудобного лежака, а также одна рука, которую он до того пытался подсунуть под голову, но она не послушалась и раскрытой ладонью вверх повалилась, свесившись слегка с софы. Он спал. Ночью его разбудил жалобный крик совы. Ему уже приходилось слышать подобный в этих местах. Когда он покупал дом, то специально искал тихое место ближе к природе. Совы тоже.

Он встал, подошел к окну. Крик прозвучал всего раз и больше не повторялся. Распахнув окно, высунул голову на холод. Это освежило его. Он зажег свет и оглядел комнату.

«Вот отсюда, пожалуй, начнем».

Сходя вниз, мужчина вернулся с ведром и тряпками и приступил к уборке. Он выгребал все из шкафа, сваливая в кучу на полу, протирал полки, а потом садился разбирать то, что покрывало пол – что-то возвращалось на полки, что-то шло в снова собранные картонные коробки, оставшиеся от переезда.

К утру все в доме было перерыто и перевернуто, будто бы на человеческое жилище напал гигантский крот. Вещи валялись повсюду, стояли местами коробки, которые по мере заполнения выдвоялись на улицу. Их судьбу разделил и диван с симпатичной оранжевой обивкой. Теперь он смотрелся как тыква для Хеллоуина посреди осенней листвы, устилавшей подзаброшенный участок. Кое-где вырисовывались недоделанные клумбы, которые, как и остальной двор, покрывал настил дубовых и кленовых листьев. Пара старых яблонь жалась к обветшалому забору. Ах, как много они планировали сделать здесь вместе, когда он покупал этот участок... Что ж, теперь он сделает все один. И на крыльцо была выставлена очередная коробка.

Он нашел его лежащим на полу в холодном доме. Теперь уже вызвал врача, более того – скорую. Но вредный старик и здесь проявил характер – от госпитализации отказался. После оказания помощи, врач отвел мужчину, вызвавшего скорую, в сторону и объяснил ситуацию. «Но ведь у него никого здесь нет, как же он отказывается, если ему нужен постоянный присмотр?», – врач пожал плечами спокойно так, словно это дело обычное: «Боится, что заберут... Они здесь все такие – дом, сад, лучше здесь, чем в больнице помирать. Но Вы не переживайте, Ваш друг крепкий дедушка. Просто никогда не знаешь, когда может повториться приступ, вот в чем беда. А в целом, он, и правда, вполне дееспособен. Вы сможете его навещать регулярно?». Мужчина сказал, что и так это делал, но видимо, нужно чаще. Врач согласился и протянул ему рецепт. «Проследите, чтобы принимал». И за сим откланялся, как говорится.

Мужчина некоторое время стоял у двери, изучая тонкий желтоватый листок в руке, потом убрал его в нагрудный карман и пошел к старику. Тот сидел на кровати с оскорбленным видом, словно его не спасли, а предали, вызвав врача. Это вызвало улыбку на губах гостя, прежде чем он смог удержать ее.

– Еще и улыбаешься... Доволен?

«Вот же... Еще уговаривать придется...»: – Вы хотели, чтобы я оставил Вас помирать на полу в Вашей промерзшей берлоге, так?

– А хоть бы и так! – «Надо было все-таки поблагодарить этого приставучего... Ведь правда же, помог... Но кровопийцу этого в белом халате зачем вызвал? Толку от них, только последние деньги заберут на лекарства или еще чего...»

– Чего Вы так боитесь? Мы же в России... Вас никто тут в дом престарелых насильно не отправит. Тут же никому до Вас, уж простите, дела нет. Помрете в хижине своей – никто и не заметит. Поэтому кончайте дуться на меня и примите уже спокойно мою помощь. Мне не сложно к Вам заходить. Работаю я частично из дома. Семейное положение... Вы мое знаете.

– Ну хорошо. Тогда забери себе хоть яблок из сада, что ли.

– Хорошо. Яблоки возьму. У меня старые на участке деревья, в этом году яблок не было. А сейчас я сварю Вам кашу и куплю лекарства. И Вы – будете – их пить.

– Вот еще!

– Тогда не беру яблоки.

– Еще картошку возьмешь – только ее выкопать надо.

– Хорошо... – «Ну началось...»

– И чеснок!

– Хо-ро-шо! А теперь кашу... Так... где кастрюля-то у Вас...

6.

Теперь он старался заглядывать к старику каждый день. Однако снова навалилась работа, и не всегда получалось пообщаться. Иногда он только проведывал больного, заносил продукты и настаивал на приеме лекарств. В выходной докопал картофель на участке старого ворчуна и чеснок. Хозяин заставил забрать часть. Эта трудовая повинность казалась мужчине чем-то наподобие искупления – за жену. Когда они были вместе, он очень много работал. Говорил ей, что так надо – что так он заботится, чтобы все было... Но еще тогда знал, что кривит, говоря так. Ему было интересно работать, проекты захватывали. А она вечно жаловалась, как ему тогда казалось. И он даже сам думал, что неплохо было бы как-то отдохнуть друг от друга. А потом она взяла да ушла.

И он понял, что не хотел этого.

Говорил себе: так лучше, или разберусь с делами и все исправлю...

Но лучше не было. Ему ее не хватало. Он не понимал, как раньше не замечал важности ее присутствия. И вот теперь со злостью и неистовством рыл картофель, изымал его из земли и отправлял в ведро. Как будто с каждой картофелиной уменьшался его долг ей.

Как же он раньше этого не понимал...

Нарыл картофеля вот, половину лопатой только поистязал. И что за человек? Впервые, видимо, лопату в руках держит. Надо было самому все-таки. Докторов натравил еще. Ну ладно, накопал и накопал. Все полезно.

Тело слушалось с трудом, но все же старалось. Тяжело было не злиться на себя за свою немощь, проще было ворчать на этого мужика в огороде, выдергивающего из грядок чеснок. Несчастное растение!

Все-таки встал, пошел, сказал ему. Он только разозлился да прибавил еще, чтобы ему под руку советов не давали. Вишь, какой гордый выискался!

Ходит в дом как на работу, еще и огрызается...

И все-таки начинаешь привыкать к нему. Плохо.

– Послушайте, если Вы будете делать такое лицо – больше не стану Вам готовить! Можно подумать – я профессиональный повар. Ешьте что дают. И вообще Вам такую пищу доктор прописал.

– Докторов слушать – помереть раньше срока...

«Ест, слава Богу! И что за вредный дед! Можно подумать, он бы себе суп сейчас лучше сварил... Сидел бы сухари же-

вал, и те в чае бы размачивал...»

«Вот вылупился. Да ем я, ем! Жена, небось, ему готовила, вот сам и не умеет. А впрочем, этот из таких, что, может, и не готовила. У этого поколения и женщины к плите не знают, с какого бока подходить – едят не пойми где, или домой им эту, пиццу их, привозят...»

– Ну что, не отравились? Все-таки можно есть?

– Угу. Можно. Соль подай-ка.

– Я суп солил уже, а много соли Вам нельзя.

– Дай соль, говорю. Я сам знаю, что мне можно, а что нельзя. Слава Богу, не первый год живу, – «Вот зараза. Не дал соль».

– Давно тут живете?

– Здесь еще мои родители жили.

– Понятно. А сын, значит, решил в город податься?

– А ты чего сюда перебрался?

– Тихо, природа... До города на машине не особо далеко.

А когда пробки, можно и на электричке.

– А жене что? Слишком тихо показалось?

– Да нет... Ей тут нравилось... Мы вместе решили дом за городом купить, – «А теперь один здесь живу...»

– Так и что ушла? Бил что ли?

– Да Вы что? Нет, конечно... Мало времени уделял...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.